

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-7-266-273

ДАЛЛАКЯН Карлен Ашотович,

профессор Уфимского юридического института МВД России, профессор БГПУ им. М. Акмуллы
доктор философских наук,

e-mail: dallkarl1958@mail.ru

ТРАГЕДИЯ ТЕРРОРА

Аннотация. В статье осуществляется социально-философский и психологический анализ феномена террора как средства управления социальными субъектами для решения социально-политических и экономических проблем. Раскрываются сущность террора, как политики запугивания социальных субъектов с целью управления ими, его отличие от терроризма, как материализации идеи террора посредством насилия с целью запугивания населения. Выявляется многоплановость террора как трагедии, обусловленной многими факторами и, прежде всего, направленностью насилия на самого субъекта террора. В статье раскрываются различные способы, средства и технологии манипуляции идеологами и бенефициарами террора конкретными исполнителями террористических актов. Раскрываются парадигмальные основы террора и терроризма. Анализируются глубинные основания и последствия использования страха и угроз в решении социально-политических и экономических задач, социально-психологические изменения личностей авторов сценария и исполнителей трагедии.

Ключевые слова: террор, терроризм, политика, страх, насилие, угроза, шоу, обман, технологии, духовная и социальная безопасность, духовный суверенитет, трансформация, личность, сознание, бессознательное, глобализация.

DALLAKYAN Karlen Ashotovich,

Professor of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor of the BSPU named after M. Akmulla (Ufa)

THE TRAGEDY OF TERROR

Annotation. The article provides a socio-philosophical and psychological analysis of the phenomenon of terror as a means of managing social actors to solve socio-political and economic problems. The article reveals the essence of terror as a policy of intimidation of social actors in order to control them, its difference from terrorism, as a practical implementation of the idea of terror in specific acts of violence, in order to influence public consciousness. The multifaceted nature of terror as a tragedy is revealed, due to many factors, and above all, the focus of violence on the very subject of terror. The article reveals various ways and means of manipulation by ideologists and beneficiaries of terror by specific perpetrators of terrorist acts. The paradigmatic foundations of terror and terrorism are revealed. The article analyzes the deep foundations and consequences of using fear and threats in solving socio-political and economic problems, as well as socio-psychological changes in the personalities of both the customers and perpetrators of terrorist acts.

Key words: terror, terrorism, politics, fear, violence, threat, show, deception, technology, spiritual and social security, spiritual sovereignty, transformation personality, consciousness, unconscious, globalization.

История человечества представляет собой трагическое противостояние противоборствующих сил в бескомпромиссной битве человека за собственную сущность. Самым сложным порой в жизни бывает, несмотря ни на что, остаться человеком в этом безумном мире. Одним из экзистенциальных препятствий для сохранения человечности является дьявольское

искушение применения насилия для, казалось бы, легкого достижения собственных целей. Когда насилие, срастаясь с властью, превращается в главное средство управления социальными субъектами, над обществом нависает тень шварцевского Дракона, правящего посредством террора.

Одним из проявлений многоплановой

трагедия политики террора является амбивалентность цели и средств. Допустимо ли применение любых средств для достижения пусть даже хороших целей? Ведь известно, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Как известно, Николло Макиавелли считал, что для государя это не только допустимо, но порой и неизбежно. Ответ на этот вопрос предполагает многоплановое исследование столь непростого феномена как террор, всегда игравшего важную роль в истории человечества и, тем не менее, до сих пор малоизученного. Более того, на наш взгляд, террору и насилию специально создавался некий ореол таинственности и даже сакральности, как способу, иногда даже единственно возможному, реализации высших социально-политических целей. Особенно привлекательно это выглядит для подростков, молодых людей, не отличающихся из-за своего возраста и образа жизни силу от насилия. Между тем, сила практически всегда предполагает созидание, поддержку, добро, а насилие – разрушение, использование силы вопреки эволюционным законам развития всего сущего.

Террор – это стратегия запугивания, распространение угрозы физической расправы с оппонентами, представляющими собой различные уровни социальных субъектов, включая целые страны, с целью управления ими. Силой и угрозой возможности ее применения заставить объектов террора сделать то, что необходимо его субъекту. Терроризм же представляет собой практическое воплощение идеи террора конкретными актами насилия с целью устрашения [1].

Исследование теоретических оснований политики террора предполагает обращение к китайской философии, а именно к легизму, его основателям Гуан Чжуну и Шан Яну, считавшими, что лишь сила, а порой жестокие наказания и насилие могут обеспечить порядок [18], поэтому террор может быть эффективным средством решения социально-политических проблем. Однако следует помнить, что истина всегда конкретна. То, что могло быть приемлемым для восточной империи IV века до нашей эры, абсолютно неприемлемо в современную эпоху. Хотя даже тогда стратегия легизма привела к трагедии восстаний и убийств.

Политические лидеры, осуществляющие террор, иногда не подозревают, что открывают «ящик Пандоры», «чумы XXI века» – терроризма, который практически всегда является ответной реакцией на террор – управление посредством страха и насилия. Следовательно корни терроризма следует искать в глубинных парадигмальных основах легизма, теоретически и практически опирающегося на насилие, аппаратом и средством которого

рассматривалось государство. Закон же при таком понимании выступает средством оправдания и осуществления насилия над людьми. Отождествляя управление посредством насилия, легизм практически превращал государство в террористическую организацию, управляющую гражданами посредством страха, преобразующегося постепенно в кьеркегоровский «трепет».

Трагедия террора, сеющего страх и ужас, заключается в том, что он бессознательно порождает средство самоуничтожения, свою смерть – терроризм как ответ на политику террора. Известно, что с 1905 по 1907 годы в террористических актах в России принимало участие более 50 000 человек. Террор правителей порождал у граждан не только страх, но и бессознательную потребность экстраполировать его во вне посредством таких ответных действий, как террористические акты. И террор, и его следствие терроризм являются по сути бессознательным самоубийством. Заметим, что с 1823 по 1905 годы в России казнили всего 191 человек, в тяжелые и трагичные годы революции и войны с 1905 по 1917 – 3741 человек, а во время «красного террора» примерно от 500 тысяч до двух миллионов человек. Насилие лишь умножает насилие и трагедию [2].

Интересно, что с греческого языка слово «трагедия» означает «козлиная песнь» (от слов *tragos* – козел и *oide* – песнь), представлявшую собой языческий религиозный обряд во время празднества в честь Диониса – бога виноделия и театра. Если же вспомним, что террор означает «ужас, страх», то трагедия террора этимологически представляет собой «ужас козлиной песни» или «козлиная песня ужаса». Видимо бессознательно отражается слепота сатира, исполнителя этой самой песни, не подозревающего о последствиях своего действия. В какой-то степени эту слепоту и неискренность символизируют маски на лице актеров. Как говорится: «Было бы смешно, если не было бы так грустно...». Символично и несколько даже странно, что сегодня, в эпоху симулякров и шоу-культуры театральная трагедия весьма тесно связана с жизненной. Реальная трагедия одних людей – войны, смерти, потеря близких, для других выступает лишь представлением. Шопенгауэровское «мир как воля и представление», понимается уже по-другому, представление трактуется как спектакль.

Трагедия возрастает иррациональностью и абстрактностью страха. Многие люди бессознательно испытывают тревогу и страх, не зная точно, чего они боятся и почему боятся именно этого. В отличие от страха боязнь всегда конкретна. Осуществляется

указанный в психоаналитической теории Зигмунда Фрейда так называемый «перенос», служащий, как порой кажется, безопасности личности.

Еще одной стороной трагедии террора является трансформация личности террористов. Разрушается личность и пугающих, и тех, кого пугают. Страх порождает ненависть, желание мстить, объединяться для этого в группы порой с абсолютно незнакомыми людьми [19]. Как видим, трагедия не только для жертв Дракона, но и для него самого. Ведь даже самые жестокие диктаторы и тираны рождались обычными детьми. Они превращались в чудовищ, желая исполнить свой долг. Страх быть не в состоянии осуществить свою миссию способствовал этой трансформации. Иррациональность и не прогнозируемость страха дополняется порождением им возможностей. «Страх – это желание того, чего страшатся», – пишет С. Кьеркегор. [3. с. 367]. Такой страх в большей степени присущ народам с патриархальной культурой, культивирующих чрезмерную строгость в воспитании, которая может способствовать росту юношеской агрессивности и деструктивности [4. с. 280].

Известно, что террор древен как мир, к нему прибегали еще первобытные люди. Более того, современные этологические исследования показывают, что террор, как управление посредством угрозы насилия, присущ и животным, живущим стаями. Однако виды, формы и технологии террора различны. Более того, в человеческом обществе они исторически меняются. В современной глобальной информационно-цифровой цивилизации беспрецедентно растет количество посредников между субъектом и объектом насилия. Появляются новые манипулятивные технологии, зомбирующие, как правило, возмущенных несправедливостью молодых людей. Грех не использовать для бунта человека, у которого вся психофизиология находится в состоянии «бунта» и не обмануть человека, который в силу возраста и пока еще доверия людям, «сам обманываться рад».

Манипулятивные стратегии идеологов террора поэтому часто используют духовные, религиозные ценности, вызывая к высшим чувствам молодых людей. Противодействие терроризму и экстремизму [20] поэтому в качестве профилактики должно раскрывать такие стратегии, прикрывающие низкие цели и мотивы их субъектов, использующих для обмана высшие ценности. Важнее предотвратить трагедию, чем потом бороться с ее последствиями.

Для этого следует выявить и обнародовать истинных субъектов трагедии террора, что

сегодня, в современную эпоху глобализации и цифровизации не так просто, так как и они виртуализировались. Тем более, что в эпоху капитализма реальным вдохновителем всех манипуляций социальными взаимодействиями является капитал. Глобальный террор денег проявляется в современном обществе по-разному в зависимости от экономических, социокультурных и политических особенностей регионов. Локальные террористические акты выступают, как правило, всего лишь одними из средств перекраивания мира, перераспределения капитала и власти, повышения цен на природные ресурсы.

Особенно трагичным последствием политики террора являются сломленные судьбы молодых и еще наивных исполнителей террористических актов, только лишь начинающих жить. Для них убийство врагов становится смыслом жизни, как путь в вечность. Парадоксально, но именно ненависть дарует им смысл существования. Террористические действия, представляют собой послание фанатично верящих в собственную миссию, отчаявшихся потерянных людей, огромное большинство которых молодые, еще не совсем созревшие личности.

Один из аспектов трагедии террора заключается в апелляции к святому для уничтожения чужими руками своих врагов. Шоу, в которое превратился террористический акт в информационном обществе, адресовано сегодня больше не населению, а рекламирующим его СМИ. Вновь наблюдается кровавая рука капитала, орошаемого человеческой кровью. Трагедия террора прекрасно отражена в картине Брейгеля «Слепые», в которой поводырь, ведущий слепых за собой, является тоже слепым и ведет их в пропасть. Когда слепы кровавые исполнители, движимые, как правило, неправильно понятыми великими идеями и духовными ценностями, такими как Справедливость, Любовь, Равенство. Самопожертвование – это одно, но, когда слепы поводыри, лидеры, ведущие за собой верящих в них людей, это – уже трагедия совсем другого масштаба.

Террористов подводят не только средства, но и абстрактность идей. Порой прекрасно звуча, они таят в себе скрытую угрозу разрушения, так как не могут быть осуществлены из-за отсутствия объективных условий их реализации. «Гегель видел, что абстрактность якобинских принципов таила в себе террор», – писал Альбер Камю [5. с. 221]. В то же время неправильно понятый введенный самим Гегелем закон диалектики – отрицание отрицания, подчеркивает А. Камю, сыграл злую шутку с разного толка террористами, призывающими уничтожать тех, кто уничтожает

Свободу и Справедливость [6. с. 273]. Идея абстрактной свободы искалечила судьбы многих людей и стран вследствие неверного ее понимания. Смерть, включая собственную, для многих людей превратилась в универсальное средство приобретения такой свободы. Это характерно для цивилизации рабов, а значит – цивилизации смерти, так как быть господином – тоже означает смерть свободной человеческой сущности [5. с. 226].

Одним из проявлений трагедии террора является то, что он призывает к борьбе и даже к смерти за свободу посредством ее ограничения. Мало кто дает адекватное определение свободы, часто отождествляя ее с абсолютной независимостью, хотя, как известно, абсолютной независимости не существует. Этим пользуются манипуляторы, внушая ослепленным ненавистью и местью душам, что истинную свободу можно приобрести посредством убийства тех, кто мешает им быть свободными. Они не понимают, что никто не может помешать человеку быть истинно свободным, потому что не знают, что это такое. Тем более, что в западной культуре дифференцируется свобода как *freedom* и свобода как *liberty*, то есть физическая свобода, как «свобода от чего» и политическая свобода, как «свобода для чего», свобода прав человека. Непонимание различий между ними лишь усугубляет трагедию. Опять причиной трагедии выступает незнание. Воистину – все проблемы человека в его голове....

Не меньше трагизма в понимании феномена справедливости. Так же, как не существует абстрактной свободы, не существует и абстрактной справедливости. [6. с. 73]. Религиозная вера, трансформированная в убежденность необходимого содействия наступлению светлого будущего, использовалась революционными идеологами как мощное манипулятивное средство. Свидетельством этого – судьба известного террориста Егора Сазонова. «Вы часто упрекали, что я, вкушивши науки, позабыл о Боге, – пишет он в письме к родителям. – ... Ведь потому-то я совершил дело, что чувствовал, что моя совесть, моя религия, мое евангелие, мой Бог – требовали этого от меня. Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех трудящихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей...» [7. с. 84]. Такие мысли превращали смерть в желаемое средство приобретения смысла жизни [8. с. 118]. Так выглядит трагедия террористов, подобно Сен – Жюсту, видевших в эшафоте путь к свободе.

Следует еще раз подчеркнуть, что все религии, исходя из человеколюбия, отвергают

насилие, как средство достижения счастья и справедливости. Всякий борец за справедливость посредством насилия и убийств, не только по-настоящему не верит в Бога, но и бессознательно убивает его в собственной душе. Именно поэтому терроризм – всегда не только убийство и самоубийство, но и богоубийство. Реализация марксистской идеи коммунистического общества прекрасное свидетельство этому. Профилактика терроризма и экстремизма поэтому предполагает постоянное разоблачение фанатичного служения какой-либо идее.

Одним из современных проявлений трагедии террора являются возможные негативные последствия неуправляемого развития научных технологий и, прежде всего, искусственного интеллекта. Это тоже – одна из форм террора идеи. Современная научно-технологическая революция угрожает изменить не только способ существования человека, но также его природу и сущность. Ведь существование, если даже и не определяет сущность, как считают экзистенциалисты, все же существенно влияет на нее. Возникает, на наш взгляд, новый вид реальности – «техно-интеллектуальный», выдвигающий новые требования к человеческой экзистенции. Это угрожает очередным межвидовым кризисом. Когда-то человек своим развитием поставил под угрозу жизнь всех других животных, истребив большую их часть. Искусственный интеллект может сделать с человеком то же самое. Все зависит от вектора его развития, человеческой мудрости, способной обеспечить гуманистический характер технологического прогресса.

Эгоизм существа, гордо называющего себя «*Homo sapiens*», не раз приводящий на протяжении всей истории к серьезным кризисам, именно потому, что неоправданно отождествлялись ум и разум, подвел сегодня нас к критической черте самоуничтожения. Как будет выглядеть в скором будущем техно-видовое противостояние приходится лишь предполагать. Поможет ли нам этот самый *sapiens*, покажет время...

С использованием беспилотников в террористических целях мы уже сталкиваемся сегодня. Однако, следует подчеркнуть, что пока еще именно человек использует высокие технологии таким деструктивным образом. Почему-то беспилотники применяются в основном именно в военных целях, как средства слежения и убийства. Что же произойдет тогда, когда выбор действий будет предоставлен самому искусственному интеллекту? Превратится ли террор, разжигаемый человеком, в террор искусственного интеллекта против человека?

Возможная угроза со стороны искусственного интеллекта, в том числе использования его человеком в террористических актах, однако не означает, что не следует развивать кибертехнологии. Необходимо лишь предвидеть возможные ее последствия и перспективы. Если появление человека на Земле было ответом на потребность биосферы в расширении собственных границ, то киборг, сочетающий в себе свойства человека и искусственного существа, и искусственный интеллект возможно являются необходимыми средствами освоения космоса. Говорят, что Земля является колыбелью человека, в которой он не сможет оставаться вечно. Главное, не разрушить ее, направляя силу человеческого разума на созидание, а не на разрушение. Ведь нераздельное сосуществование плюса и минуса – не трагедия мира, а условие его существования. Классовая борьба, рассматриваемая большевиками как средство уничтожения зла, является и средством совершенствования общества. Уместно вспомнить антиномии Иммануила Канта.

Развитие искусственного интеллекта актуализирует еще одну сторону трагедии террора, связанную с беспрецедентным совершенствованием манипулятивных технологий. Известно, что техно-существами легчеуправлять. Возможна ли свобода воли кибер-существа, если доступ в его мозг будет открыт производителям и хозяевам? Возникает угроза тотального дистанционного техно-управления [17. с. 63] массами. Сегодня это может происходить лишь посредством информационных технологий. Развитие искусственного интеллекта ответит на вопрос о возможной степени превращения людей в дистанционно управляемые существа. Это приведет к трансформации не только морали, которая существует лишь тогда, когда есть свобода воли, а значит и ответственность за осуществленный выбор, но и всех формы общественного сознания.

Понимание всякого социально-политического феномена, включая террор, в значительной степени зависит от господствующей в обществе и государстве парадигмы. Эти ментальные парадигмы, как правило, не осознаются людьми и могут сосуществовать не только во времени, но и в социокультурном пространстве, влияя на особенности восприятия того или иного социально-политического феномена и отношения к нему. Необходимо поэтому учитывать социокультурные особенности таких феноменов как общественное сознание, государство, правопонимание, духовная и социальная безопасность, духовный суверенитет, воля социальных субъектов. Современные информационно-цифровые

технологии существенно трансформируют эти феномены. При некоторых исторических обстоятельствах общественное сознание и даже коллективное бессознательное граждан тоталитарных государств трансформируясь, как правило, считает террор и насилие не только оправданными, но и необходимыми.

Растущее отчуждение социальных субъектов в этом абсурдном мире побуждает их к агрессивно-деструктивной активности, заражая идеей борьбы за идею [9. с. 132]. В жизни многих террористов, как правило, имело место трансформирующее психику нарушенное взаимодействие с окружающими, что превратило их в замкнутых, сомневающих в себе людей [10. с. 132]. Молодой человек, осознавая свою никчемность и ничтожество, пытаясь самоутвердиться посредством гиперкомпенсации, описанной Альфредом Адлером, может превратиться в террориста и даже тирана. Вера в этом случае помогает потенциальным террористам преодолеть собственные комплексы и экзистенциальный страх перед жизнью. Идейным манипуляторам остается лишь использовать эту убежденность, направив в «нужное» русло. Это вовсе не означает, что терроризм, как и всякое преступление, может быть религиозным или этническим. Такие привязки также представляют собой манипулятивные приемы идеологов, усиливая трагедию.

Одной из сторон трагедии террора, является его превращение в индивидуальную форму экзистенции. Человек, окунувшись в террористическую активность, заражается ею и уже не может жить без нее [11. с. 115]. Дефицит внимания в детстве, особенно нежности и заботы отца, может способствовать дальнейшему отчуждению будущего террориста. Не секрет, что в неполных семьях вероятность девиантного развития мальчиков повышена. Даже в полных семьях, в которых отцы в силу своего воспитания и порой культурных традиций боятся проявлять внимание и заботу к своим сыновьям, может возникнуть такой эмоциональный дефицит. Это нередко компенсируется в дальнейшем фасцинацией, то есть сильной преданностью лидеру, что может привести к усилению морально-психологической зависимости, неадекватности, жестокости и агрессивности молодого человека. Любить своих тиранов – одна из форм личностной трагедии, которая выражается в потребности слиться с этими тиранами. Нежелание и неумение созидать могут привести к геростратовскому желанию самовозвеличивания посредством разрушения и уничтожения. Э. Фромм прекрасно проиллюстрировал это в психограмме Адольфа Гитлера [12. с. 8].

Трагедию может усилить чувство одиночества террориста, как правило, замкнутого в своей группе, а потому ограниченного в свободе выбора. Ведь террорист по природе является человеком толпы, так как находится всегда в обществе единомышленников. Он демонстрирует жестокость, хладнокровие, неподчинение всеобщим правилам и законам, как проявление собственной силы и свободы. Кабанес О., Насс Л. в своей книге «Революционный невроз» описывают чудовищно страшные действия, жестокости, совершаемые толпой при свершении Французской революции [13. с. 270].

Выделяют различные типы террористов в зависимости от степени проявления агрессии, невротического своеволия, жажды смерти [14. с. 143]. Раздвоение личности, называемое нами «наполеонствующий Раскольников», характерное для многих террористов, является одним из проявлений личностной трагедии террора. Служение идее часто выливается в желание служить лидеру. Почитание террористов своих манипуляторов и тиранов напоминает трансформацию психики заложников, получившей название «стокгольмский синдром». Зависимость от человека может трансформироваться в симпатию к нему. Это может иметь и социально-политическое проявление, выражаясь в поведении запуганных масс, искренне симпатизирующих и сочувствующих диктатору. Любовь к тирану и насильнику является одним из глубинных бессознательных оснований трагедии террора.

Личностная трагедия террориста усугубляется его неадекватной самооценкой. Внешняя слепота дополняется внутренней. Неслучайны демонстративные самоуверенность и решительность в речах различных «фюреров», являющиеся одними из манипулятивных технологий. Мало кто задумывался, для чего такой «фюрер» поощрял при каждой встрече приветствие, провозглашающее славу вождю, то есть ему самому. Явный пример гиперкомпенсации комплекса неполноценности [15. с. 317].

Идея и практика террора могут привести к окончательному превращению личности в андерсеновскую «Тень» [16. с. 148]. Вытиснутые архетипы бессознательного начинают доминировать в психике. Кризис самоидентификации толкает потенциального террориста в толпу для приобретения себя и смысла жизни. Сами они, как правило, не видят возможности для преодоления возникших личностных трудностей и, что особенно трагично, недооценивают собственные усилия в этом. Не малую роль играют их идейные вдохновители, убеждая в том, что у них нет

другого пути, что террористический акт способны совершить лишь богоизбранные люди, коими они и являются. Интересно, что исследования подтверждают, убежденность террористов в собственной уникальности. Это – очередное доказательство раздвоения психики личности, ставшей средством реализации чужих планов. Деиндивидуализация поэтому – неизбежная плата террориста как посланника Смерти. Главное, что все это делается бесплатно, так как человеку, слепо верящему в собственную высокую миссию, в отличие от обычного киллера, платить не надо.

Мало осознать причины трагедии, необходимо определить пути борьбы с ними, способы их преодоления. Когда Лао-цзы спросили в чем суть его учения, он ответил: «Познай свое Дао и следуй ему!». Человек должен познать свою сущность, то есть кем он является на самом деле и путь реализации именно этой сущности. Ведь жизнь и есть попытка познать себя, стать и остаться собой, несмотря ни на какие обстоятельства. Этому должно способствовать настоящее личностно ориентированное образование, которое все труднее и труднее реализовать в современном коньюмеристском мире.

Настоящее образование сегодня должно быть ориентировано не на транслирование информации, которое в информационно-цифровом обществе избыточно и порой уже имеет разрушительные для психики человека последствия, а на формирование личности молодых людей, на помощь им в познании самих себя. Ибо «кто может быть самим собой, пусть не будет никем другим!». Только знающий себя, свою сущность человек, сможет противостоять манипулирующим воздействиям людей, пытающихся управлять ими. Для познания себя молодые люди должны уметь критично мыслить, все время задавая вопросы: «Что надо мне?» и «Что надо другим от меня?». Ведь вопрос представляет собой средство фиксации проблемной ситуации, то есть противоречия между знанием и незнанием. Поэтому детей в школе надо не отучать задавать вопросы, ведь маленькие дети любят это делать, порой даже ставя в тупик взрослых нестандартностью своего мышления, а помогать им учиться правильно задавать вопросы. Правильно и вовремя заданный вопрос может спасти молодых людей от различных манипулятивных стратегий идеологов терроризма и экстремизма.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон РФ от 6 марта 2006г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму».
- [2] Даллакян К. А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа: УЮИ МВД

России. 2016. 148 с.

[3] С. Кьеркегор. Страх и трепет. М.: Республика. 1993. 364 с.

[4] Т. Адорно. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель. 2012. 473 с.

[5] Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

[6] Хоффер Э. Истинноверующий: Мысли о природе массовых движений. - Пер. с англ. Минск. 2001. 200 с.

[7] Сазонов Е. С. Письма Егора Сазонова к родным. 1895 – 1910 гг. М., 1925. 384 с.

[8] Баранов А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С, Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1988. № 2. С. 116-127.

[9] Сейджмен М. Непонимание терроризма. Филадельфия: Университет Пенсильвании Пресс. 2016. 380 с.

[10] Камю А. Посторонний. Сочинения. М.: Прометей. 1989. С. 21-82.

[11] Савинков Б.В. Конь бледный. Конь вороной. СПб.: Лен. издат. 2013. 224 с.

[12] Фромм Э., Лангер В., Блох Э. Мой пациент Гитлер. Психопсихология фюрера. М.: Родина. 2021. 222 с.

[13] Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М, 1998, 370 с.

[14] Мерари А. Приведенный к смерти: психологические и социальные аспекты самоубийственного терроризма. 2010. Оксфорд. Оксфордский университет. 328 с.

[15] Лифтон. Нацистские врачи: медицинское убийство и психология геноцида. М 2000. 465 с

[16] Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер. 2002. 484 с.

[17] Муфаздалов, Р.Р. Научно-технический прогресс и преступность / Р. Р. Муфаздалов // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 63-67. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.010. – EDN BMKKBA.

[18] Самигуллин, В. К. Правопорядок и демократия / В. К. Самигуллин // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 8-13. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.001. – EDN CCWJEC.

[19] Хасанова, З. И. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в некоторых зарубежных странах / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 65-69. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.012. – EDN QTVBVK.

[20] Зиявудинова, В. А. Уголовное

противодействие терроризму на современном этапе развития общества и государства / В. А. Зиявудинова // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 90-93. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.015. – EDN JFVTRC.

References:

[1] Federal Law of the Russian Federation of March 6, 2006 No. 35-FZ "On Countering Terrorism."

[2] Dallakian K. A. Terror as a form of social existence. Ufa: UYI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. 148 pp.

[3] S. Kierkegaard. Fear and awe. M.: Republica. 1993. 364 pp.

[4] T. Adorno. Research on authoritarian personality. M.: Astrel. 202. 473 p.

[5] Camus A. A rebellious man. M.: Politizdat, 1990. 415 s.

[6] Hoffer E. True believer: Thoughts on the nature of mass movements. - Per. from English Minsk. 2001. 200 s.

[7] Sazonov E.S. Letters of Yegor Sazonov to relatives. 1895-1910 M., 1925. 384 pp.

[8] Baranov A. S. The image of a terrorist in Russian culture of the late XIX - early XX centuries (S, Nechaev, V. Zasulich, I. Kalyaev, B. Savinkov) // Social Sciences and Modernity. 1988. № 2. P. 116-127.

[9] Sageman M. Misunderstanding terrorism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2016. 380 s.

[10] Camus A. Outsider. Writings. M.: Promethei. 1989. S. 21-82.

[11] B.V. Savinkov. The horse is pale. Black horse. St. Petersburg: Len. izdat. 2013. 224 pp.

[12] Fromm E, Langer W, Bloch E. My patient Hitler. Führer psychoanalysis. M.: Homeland. 2021. 222 p.

[13] Cabanes O, Nass L. Revolutionary neurosis. M, 1998, 370 p.

[14] Merari A. Brought to death: psychological and social aspects of suicide terrorism. 2010. Oxford. University of Oxford. 328 pp.

[15] Lifton. Nazi doctors: medical murder and the psychology of genocide. M 2000. 465 s

[16] Olshansky D.V. Psychology of terrorism. St. Petersburg: Peter. 2002. 484 p.

[17] Mufazdalov, R. R. Scientific and technological progress and crime / R. R. Mufazdalov // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). – S. 63-67. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.010. – EDN BMKKBA.

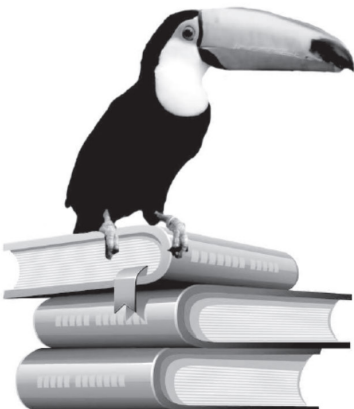
[18] Samigullin, V.K. Law and Order and Democracy / V.K. Samigullin // Law and Statehood. – 2026. – № 2(11). – S. 8-13. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.001. – EDN CCWJEC.

[19] Khasanova, Z. I. Criminal liability for the public dissemination of knowingly false information

about circumstances posing a threat to the life and safety of citizens in some foreign countries / Z. I. Khasanova // Law and statehood. – 2025. – № 4(9). – S. 65-69. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.012. – EDN QTVOBK.

[20] Ziyavudinova, V. A. Criminal

counteraction to terrorism at the present stage of development of society and the state / V. A. Ziyavudinov // Law and statehood. – 2024. – № 3(4). – S. 90-93. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.015. – EDN JFVTRC.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru